

МАКСИМИЛИАН ВОЛОШИН И ЕСТЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

В. И. Цветков

Глубокая эрудиция в естественнонаучных вопросах является значительной чертой поэтического облика Максимилиана Волошина. В этом качестве следует видеть не столько дань личным склонностям и увлечениям поэта и не столько проявление присущей его натуре многогранности, сколько важнейшую деталь всей его творческой концепции, усилие преодолеть то трагическое разделение путей искусства и науки, которое возникло, по словам Волошина, в эпоху, непосредственно следовавшую за Ренессансом.

Волошин — не ученый, а поэт, и он нигде не позволяет своему научному багажу играть самодовлеющую роль, никогда не переходит грань, отделяющую поэзию от дидактики. Естественнонаучные знания вовлекаются в поэтический мир Волошина в двойном качестве. С одной стороны, это источник сведений о материале творчества, материале не в смысле языка, а в смысле образного строя. Знание вещной, предметной стороны мира позволяет поэту обогатить арсенал изобразительных средств, ввести неожиданные и емкие аналогии, основанные на достижениях аналитического научного метода. Сюда относится вся поэтическая астрономия ранних циклов Волошина, именно этот аспект имеет в виду поэт и художник, когда сожалеет об отсутствии «художественной метеорологии» и «художественной геологии». Поэтическое опосредование действительности, по Волошину, должно иметь под собой твердый фундамент знания. С другой стороны, само научное познание мира интересует поэта как исторический и духовный процесс. Какие взлеты и какие падения принесла человеческой душе неуемная жажда знания? Что получил и что потерял человек благодаря науке?

В дальнейшем я буду касаться только связи произведений Волошина с физикой и астрономией — фундаментальными науками, занимающимися наиболее общими вопросами физической картины мира.

Астрономические образы появляются во многих ранних стихах Волошина, и не перестаешь удивляться их точности. Вот, например, в киммерийском вечернем пейзаже появляется «...низко над холмом дрожащий серп Венеры / Как пламя воздухом колеблемой свечи». Утренняя и вечерняя звезда Венера на самом деле является планетой, меняющей свои фазы подобно Луне; правда, диск ее имеет столь малые видимые размеры, что увидеть серп Венеры без помощи оптических приборов могут только люди с чрезвычайно острым зрением.

Оба венка сонетов Волошина — «*Corona Astralis*» и «*Lupaia*», — отнюдь не посвященные астрономической теме, целиком построены на астрономических образах, реализующих мысль автора. Это, например, развернутое сравнение пути особенной человеческой души, души поэта и скитальца, с путем кометы в упорядоченном мире других небесных тел:

... Мы правим путь к солнцу, как Икар,
 Плащом ветров к пламени одеты.
 Но — странные, — его коснувшись, прочь
 Стремим свой бег: от солнца снова в ночь —
 Вдаль, по путям парабол безвозвратных...

Чтобы оценить точность сравнения, нужно представлять себе особенности движения комет. Большинство из них приходит непредсказуемо из периферийных частей Солнечной системы, чтобы, во много раз увеличив свою яркость вблизи Солнца, несколько кратких месяцев просиять на небосводе, а затем навсегда удалиться, постепенно затухая, по разомкнутой («безвозвратной») кривой — параболе.

Очень большое место тема научного познания мира занимает в самом крупном поэтическом произведении Волошина — цикле «Путями Каина», в котором поэт, по его собственным словам, формулировал «почти все» свои «социальные идеи». Волошин был свидетелем первых громких успехов того процесса, который мы теперь называем научно-технической революцией, но отнюдь не разделял безоглядного восторга многих современников по поводу достижений этого процесса. Нескрываемая ирония, часто переходящая в сарказм, сопровождает авторское описание завоеваний

науки в разные эпохи и особенно открытий гордого своим научным взлетом XX века:

Наедине с природой человек
 Как будто озверел от любопытства:
 В лабораториях и тайниках
 Ее пытал, допрашивал с пристрастьем,
 Читал в мозгу со скальпелем в руке,
 На реактивы пробовал дыханье,
 Старухам в пах вшивал звериный пол.
 Но неумный разум разложил
 И этот мир,
 Построенный на ощупь
 Вникающим и мерящим перстом.
 Все относительно:
 И бред и знанье.
 Срок жизни истин —
 Двадцать-тридцать лет, —
 Предельный возраст водовозной клячи.
 От чувственных реальностей осталась
 Сомнительная вечность вещества
 Подточенного тлею энтропии.

Прослеживая вспять длинную цепь исследователей и преобразователей мира, Волошин обнаруживает во главе ее символическую фигуру первоубийцы Каина, который совершил не только первое насилие над человеком, но и первое насилие над природой. Путь Каина — это путь насилия, он может привести только к мрачному и жестокому бездуховному миру, к трагическим мировым катастрофам. И вместе с тем вникающий в природу и тем более преобразующий ее человек не может не вызвать в ней тяжелых нарушений, последствия которых неизбежно испытает на себе, поскольку Вселенная есть единый строй и организм.

Любопытно, что физика XX века также пришла к выводу о серьезной роли искажений, вносимых инструментом познания в изучаемую систему. Особенно ярко это отразилось в принципе неопределенности Гейзенберга, утверждающем принципиальную невозможность одновременного точного знания двух других взаимосвязанных величин, описывающих состояние частицы: чем точнее известна одна, тем менее определенной становится другая.

Согласно Волошину, разум не воплощает творческую функцию человека, скорее наоборот:

Разум
 Есть творчество навыворот, и он
 Вспять исследил все звенья мирозданья.

Научное познание по своей природе аналитично, склонно к разложению видимых реальностей на первоэлементы, в то время как задачей творчества является синтез, создание новых форм. Наука есть способ познания причинности и необходимости мира, притом познания, искаженного исторической перспективой, невозможностью выйти за пределы изучаемого процесса. А по Волошину именно мятеж против законов необходимости и естества является спасительным горением человеческой души. Он бессмыслен с точки зрения незыблемости законов природы, но преобразует внутренне самого человека.

«Научные» главы цикла «Путями Каина» поражают той же удивительной точностью, что и ранние стихи Волошина. Поэт непринужденно оперирует научно-историческими фактами, показывает солидное знание классических теорий и, что удивительнее всего, совершенно свободно обращается со сложными, зачастую чувственно непредставимыми понятиями современной ему физики, такими, например, как энтропия или кривизна пространства. При этом Волошин не просто вникает в эти понятия, а использует их в плане отнюдь не дидактическом, как материал для своего размышления о путях человечества.

Нужно сказать несколько слов об источниках научных знаний Волошина. Они очень солидны и авторитетны. На полках библиотеки поэта стоят испещренные его пометками книги Эйнштейна и Макса Борна, Иоффе и Анри Пуанкаре. Это не специальные научные труды, но популяризация науки на самом высочайшем уровне, авторское изложение самой сути физических теорий. Волошин пользуется этими источниками там, где речь заходит о современной науке, всегда, впрочем, оставляя за собой последнее слово и суждение.

Приведу пример. В книге известнейшего английского астрофизика Эддингтона, вышедшей на русском языке в 1923 году, рукой поэта отмечены такие слова: «Мы сознаем искажение, вносимое в царство природы нашей узкой точкой зрения, с которой мы наблюдаем ее, и стараемся поместиться так, чтобы исключить это искажение — так, чтобы наблюдать то, что в самом деле есть. Но это тщетное стремление. Куда бы мы ни поставили нашу камеру, фотография необходимо оказывается двумерным изображением, искаженным соответственно законом перспективы; никогда нет точного сходства с самим предметом».

У Волошина в главе «Космос» цикла «Путями Каина»:

Как глаз на расползающийся мир
Свободно налагает перспективу
Воздушных далей, облачных кулис,
И к горизонту сводит параллели,
Внося в картину логику и строй,—
Так разум среди хаоса явлений
Распределяет их по ступеням
Причинной связи, времени, пространства
И укрепляет сводами числа.

Здесь кончается изложение поэтически оформленной мысли Эддингтона. Далее — вывод:

Мы, возводя соборы космогоний,
Не внешний в них отображаем мир,
А только грани нашего незнания.

Какое же, в конечном итоге, место занимает наука в мировоззрении и творчестве поэта Максимилиана Волошина? Как уживается гордость художника точностью своих произведений с уничтожительной характеристикой все разъедающего разума?

Вслушаемся в волошинские строки:

Ступени каждой в области познания
Ответствует такая же ступень
Самоотказа:
Воля вещества
Должна уравновеситься любовью.

Самоотказ, самоограничение, самообуздание — вот чего требует от человека увеличение суммы знаний. Чем больше наша власть над природой, тем в более жесткие моральные рамки должен человек укладывать свое познание. Не бездумное служение прихотям своего тела, не праздный интерес к механике мироздания — задача человеческой науки. Она является одним из поприщ любви — самой высокой и светлой способности человека.

Проверь
Весь внешний мир:
Везде закон, причинность,
Но нет любви:
Ее источник — Ты!

Кажется, что Волошин пророчески предвидел наше время, когда человек реально вступил в конфликт с природой, которую теперь он зовет окружающей средой. Мы уже потеряли многие ценности — чистый воздух и чистую воду,

прекрасные леса, удивительных животных. Сейчас мы пытаемся предпринять меры по охране и защите уцелевших природных богатств, но все эти меры будут тщетными, если в каждом из нас не будет звучать истинная любовь к природе, если каждый не будет готов во имя этой любви на самоограничение и на жертву.

По глубине охвата научной темы Волошину нет равных в поэзии XX века. Лишь в прошлом, в творениях гигантов типа Лукреция или Гете мы находим подобный синтез науки, философии и поэзии. Но в их время наука была гораздо менее изощренной и расчлененной, чем в XX веке. Волошин шел по свежим следам сложнейшего научного процесса не только с пониманием, которое в его время само по себе было доступно немногим, но и с немедленной поэтической оценкой, с определением места этого процесса в общем ходе истории культуры. По Волошину, путь познания и преобразования мира, путь «земного мятежа», представляет ценность не как средство к созданию удобств для современного человека, как он есть, а как «первый шаг к пожарищам любви», как попытка «пересоздать себя», как способ

...выплавить из мира
Необходимости и разума
Вселенную Свободы и Любви.

* * *

История отношений М. А. Волошина с супругами Цераскими показывает, что его интересовали не только содержание и история астрономии, но и живые люди, творившие эту науку. Знакомство завязалось, по-видимому, в 1907 году, когда Лидия Петровна Цераская была в числе гостей поэта в Коктебеле. Ее племянница Анна Владимировна Попова была женой друга Волошина художника К. В. Кандаурова, что, вероятно, и послужило поводом для знакомства. Общение поэта с четой астрономов носило эпизодический характер вплоть до 1916 года, когда Цераские переселились в Феодосию. Это произошло в основном из-за болезни Витольда Карловича, вынудившей его оставить пост директора Московской обсерватории. Сохранилось предание о глубокой взаимной симпатии, которую питали друг к другу один из самых культурных ученых и один из самых эрудированных поэтов своего времени. Цераские покинули Крым осенью 1922 года, пережив там тяжелейшие

годы усобицы. Публикуемые ниже материалы рисуют светлые черты деятелей отечественной культуры и науки, ярко проступающие на фоне трагических событий эпохи.

* * *

ПИСЬМА Л. П. ЦЕРАСКОЙ К М. А. ВОЛОШИНУ

1

Краснею даже при одной мысли, многоуважаемый Максимилиан Александрович, что Вы считаете меня страшной невежей, но «Tout compris c'est tout pardonner»: вся беда произошла от того, что я поручила опустить письмо очень рассеянному человеку, и оно не дошло до Вас, а затем заболел В. К.¹ и я обратилась в сиделку. Тем не менее я очень чувствую свою вину и прошу великодушно простить меня.

В. К. просмотрел Vigourdan'a² и думает, что она не подойдет большой публике, т. к., трактуя только старую астрономию и не давая последних слов, не отвечает на вопросы животрепещущего интереса.

Надеюсь, что Вы позволите В. К. оставить ее у себя, т. к. она Вам не нужна, а приобрели Вы ее только по Вашей необычайной любезности. При свидании или через Кандауровых³ вручу стоимость.

В. К. и я поздравляем Вас с праздниками и просим принять наши наилучшие пожелания.

Извиняясь еще раз, приношу мою горячую благодарность.

Глубоко уважающая Вас

Л. Цераская

12 апр. 1911 г.

2

Дорогой Максимилиан Александрович, как вы поживаете, как ваше здоровье? Получили ли облегчение от грязей? Не собираетесь ли в Москву? У Кандауровых был целый букет феодосийцев, не хватало вас для придания аромата.

13*

Не имеете ли известий о Лидии Антоновне ⁴? О нас подробно писать не буду, так как что может вас интересовать расскажет Конст. Фед. ⁵

Живем мы опять отшельниками, в лесу, с надеждой повидать друзей на Рождество, так как теперь все разъехались, да и погода не манящая к загородным поездкам.

Материально устроились недурно, только все тоскуем по крымскому теплу и солнцу.

В. К. счастлив, что живет с сыном, кот. рассказывает ему массу интересных эпизодов из своей военной жизни. После феодосийской беготни я веду сидячий образ жизни и только в Москве целые дни возношусь в 5-е и 6-е этажи, выцарапывая кое-что от советских властей.

Мое первое посещение Москвы произвело на меня ошеломляющее впечатление во всех отношениях, начиная с домашней обстановки и кончая научными новостями. Проф. химик Зелинский растворяет животных и на мое изумление сказал, что может растворить и целого человека. Зоологи заняты изучением роли желез внутренней секреции и делают множество опытов с трансплантацией; так наприм. самец морской свинки получает способность кормить молоком своих детенышей. Перешивают голову одного насекомого другому и проч.

Читаю очень интересную вещь — Le Bon «*Revolution française et la psychologie les revolutions*»; это дает ключ к пониманию многого из современной жизни.

Кончили ли вы вашу поэму? Так хотелось бы прочесть ее в последней редакции. Вероятно есть и еще что-нибудь новое. Как бы хорошо было повидать вас и поговорить о многом; так как беседа с вами всегда расширяла мой умственный горизонт и наводила на новые мысли. Неужели вы не приедете в Москву!

В. К. просит передать его горячий привет и наилучшие пожелания знаменитому поэту, живущему в стране людоедов.

При случае черкните о себе словечко, чем бесконечно обрадуете искренне любящих вас Цераских.

Е. В. ⁶ кланяется. Все мы с громадным удовольствием вспоминаем ваши посещения. Крепко жму вашу руку. Поклон общим знакомым.

3

Окт. 22 1925

Дорогой Максимилиан Александрович, 29 ноября, как раз в полугодовой день смерти В. К., астрономическое Общество устраивает заседание в его память. Будут речи проф. Блажко, Казакова, Михайлова, Баева и др. Общество разошлет извещения научным учреждениям и разным лицам. Помня ваше всегда дружески сердечное отношение к В. К., я просила бы вас прислать хотя несколько слов к этому дню на имя проф. С. Н. Блажко (Пресня, Ново-Ваганьковский пер. Астрономическая Обсерватория). Похороны прошли совершенно незаметно, т. к. Университет отказал сделать публикацию, т. к. похороны были церковные. Сказали, что если похороны будут гражданские, то будут и публикации, и депутации и проч. Я лично стою за гражд. похороны, но по убеждениям В. К. я не могла этого сделать. Вот мне и хочется, чтобы это последнее заседание, подводящее итоги жизни, прошло при несколько иной обстановке.

В. К. любил повторять, что ему важно, что скажут о нем после его смерти.

Получили ли вы его некролог, кт. я послала вам около месяца тому назад?

Как вы поживаете, как здоровье ваше и Марии Степановны? Мы слышали, что летом у вас был громадный съезд. Думаете ли приехать зимой в Москву? Зима у нас уже начинается, ежедневно идет снег, превращающийся днем в грязь, вообще в настоящую минуту Москва не привлекательна.

Во время академических торжеств в Москве⁸ я была гидом при некоторых французах. Было заготовлено множество бумаги, поэтому я и пишу вам на такой шикарной, кт. в продаже вообще нет.

Кандауров вернется в первых днях ноября.

Крепко жму вашу руку и прошу передать мой привет Марии Степановне.

Ан. Влад. и Елиз. Вл. (как это хорошо выходит у французов) *Le rappellent à votre bon souvenir.*

Горячо и искренне уважающая вас

Л. Цераская.

Дорогой Максимилиан Александрович, бесконечно извиняюсь, что до сих пор не поблагодарила вас за прекрасные стихи, посвященные памяти В. К. Жаль только, что пришлось прочитать лишь друзьям; всем они очень понравились, многие даже их себе списали (вы ничего против этого не имеете?). Есть только одно место, не соответствующее действительности, так как В. К. сам ушел из Обсерватории. Это обстоятельство вам было неизвестно, так как вы сами писали, что мало знакомы с биографией В. К. Во всяком случае я вам безгранично благодарна и стихотворение это имеет кроме того огромную для меня цену, как память о вас, кому мы все были обязаны чудными минутами, проведенными в вашем обществе, кт. на сером фоне нашей жизни светились особенно ярко, освежая ум и сердце. Теперь, когда душа опустошена, так хотелось бы опять повидать вас и послушать ваши вдохновенные речи! Ваша поэзия пресытить не может, так она глубока и многогранна!

Заседание прошло хорошо, кроме официальной части, посвященной профессору и ученому, были прекрасные воспоминания друзей и бывших учеников, вообще все носило очень теплый и душевный характер.

Надо надеяться, что болезнь ваша не даст себя больше знать, а там скоро и весна. Мы же сидим засыпаемые ежедневно снегом и по улицам движутся целые вереницы вожов со снегом.

Еще раз от души благодарю вас. Мой привет Марии Степановне.

Елиз. Влад. *Le gappelle à votre bon souvenir* и умоляет меня передать вам ее горячую просьбу, за кт., дорогой Максимилиан Александрович, я отказываюсь нести какую-либо ответственность; она просит вас, что, может быть, в минуту досуга, глядя на ваше чудное звездное небо, вы вспомните В. К. и

Крепко жму вашу руку.

Л. Цераская

По совершенно независимым от меня обстоятельствам, письмо пролежало до сих. Сегодня последний день старого года. Поздравляю с Новым 26 г. и от души желаю, чтобы он был для вас счастливым во всех отношениях.

5

20 сент. (1927)

Дорогой Максимилиан Александрович, вам надо сделать какой-нибудь ответ для всех в газете, так много людей любящих вас, кт. тревожатся за вас. По газетным сообщениям так нельзя составить себе истинное представление о происшедшем⁹ в смысле личных переживаний. Пишут, что ваша дача дала трещину, но насколько это опасно. Как вы все это переживаете? Крепко, крепко жму руку вам и Марии Степановне. Привет от Елиз. Владим.

Л. Цераская

6

19 $\frac{5}{XI}$ 28

Дорогой Максимилиан Александрович, стыдно сознаться, что нет письма, кт. бы мне не приходилось начинать с извинения за промедление, так и в данном случае. Причин для оправдания, конечно, есть достаточно, тем не менее я чувствую себя безгранично виноватой, что до сих пор не поблагодарила вас за дружескую память, выразившуюся в такой художественной форме, как акварель, кот. мне передала от вас Анна Владимировна.

Наше пребывание в Крыму неразрывно связано с вами: не было тяжелой минуты, чтобы вы не пришли на помощь, хлопота о муке, сахаре, керосине и т. д., без конца, и это не для нас одних, к вам шли вереницы людей, осаждая вас своими просьбами.

Не знаю насколько верны слухи о вашей даче, но я не сомневаюсь, если это правда, что ваши друзья и почитатели, кт. у вас немало, предпримут соответствующие шаги.

Прошу передать мой сердечный привет Марии Степановне. Пожелав здоровья и душевного спокойствия вам обоим, крепко жму вашу руку.

Л. Цераская

(В конце письма имеется приписка Е. В. Поповой:)

Многоуважаемый Максимилиан Александрович,

Большое, большое спасибо за акварель, которую Вы мне прислали, она мне очень понравилась. Я жалею, что

я не тот жулик, к (ото)рый похитил у Вас их 300 штук. Еще раз примите мою сердечную благодарность.

Уважающая Вас

Е. В. Попова

М. А. Волошин

Памяти *В. К. ЦЕРАСКОГО*

Он был из тех, в ком правда малых истин
И веденье законов естества
В сердцах не угашают созерцанья
Творца миров во всех его делах.

Сквозь тонкую завесу числ и формул
Он Бога выносил лицом к лицу,
Как все первоучители науки:
Пастер и Дарвин, Ньютон и Паскаль.

Его я видел изможденным в кресле
С дрожащими руками и лицом
Такой прозрачности, что он светился
В молочном нимбе лунной седины.

Обонпол слов таинственно мерцали
Водяные литовские глаза,
Навеки затаившие сиянья
Туманностей и звездных Галактей.

В речах его улавливало ухо
Такую бережность к чужим словам,
Ко всем явленьям преходящей жизни,
Что умиление сжимало грудь.

Таким он был, когда на Красной Пресне
В стенах Обсерватории — один
Своей науки неприкосновенность
Он защищал от тех и от других.

Правительство бездарное и злое
Как все правительства, прогнало прочь
Ее зиждителя и воспретило
Творцу — творить, ученому — учить.

Российская усобица застигла
Его в глухом прибрежном городке,
Где он искал безоблачного неба
Ясней, южней и звездней, чем в Москве.

Была война, был террор, мор и голод...
Кому был нужен старый звездочет?
Как объяснить уездному завпроду
Его права на пищевой паек?

Тому, кто первый впряг в работу солнце,
Кто новым звездам вычислил пути,—
По пуду за вселенную, товарищ!
Даешь жиры астроному в паек!

Высокая комедия науки
В руках невежд, армейцев и дельцов...
Разбитым и измученным на север
Уехал он, чтоб дома умирать.

И радостною грустью защемила
Сердца его любивших весть о том,
Что он вернулся в звездную отчизну
От тесных дней, от душных дел земли.

Коктебель
10 ноября 1925

М. А. Волошин

Из заявления «В Бюро Таврического Научного съезда.
К вопросу об охране ценностей Крыма».

...Оставляя вопрос о специальной охране хранилищ искусства, я должен указать Съезду на крайне тяжелое положение, в котором живет в Феодосии один из самых уважаемых русских ученых — бывший Директор Московской Обсерватории профессор Вит. Карл. Цераский. Лишенный употребления рук и ног от нервной болезни, явившейся следствием его мужественного поведения в 1905 году, когда он оставался один на Обсерватории, находившейся в центре Пресненского восстания, и спас ее, но и теперь продолжающий диктовать свои последние работы, лишенный пенсии, не получающий никакой правительственной субсидии, о которой уже не раз поднимался вопрос, поддерживаемый только своей женой, тоже далеко небезызвестным в Европе ученым, открывшим более 160-и переменных звезд, 65-ти летней старухой, которая зарабатывает хлеб грошовыми уроками французского языка, он все-таки не был освобожден от реквизиции половины своей крошечной квартиры.

Конечно, Крым в настоящую минуту есть осажденная крепость и военный лагерь. Но и в военном лагере должны быть охраняемы те немногие гнезда, в которых продолжается творческая работа.

17 октября 1920 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Витольд Карлович Цераский (1849—1925).
2. Речь идет, по-видимому, о книге Bigourden G. *L'astronomie. Evolution des idées et méthodes.*— Paris, 1911.
3. Константин Васильевич Кандауров (1865—1930), художник, друг М. А. Волошина, и его жена Анна Владимировна.
4. Лидия Антоновна Лампси (урожд. Соломос), жена одного из внуков И. К. Айвазовского.
5. Художник Константин Федорович Богаевский (1872—1943).
6. Елизавета Владимировна Попова, племянница Л. П. Цераской.
7. Мария Степановна Волошина (урожд. Заболоцкая, 1887—1976), жена М. А. Волошина.
8. 200-летие Академии наук.
9. Крымское землетрясение 1927 года.